

Объявлено убийство

Рут Татрис

Нарканда, Химачал-Прадеш, Индия. 4 года назад.

Нарканда встретила Рут пылью, смрадом и толпами туристов, которые не переводились здесь, кажется, никогда. Индуистский храм, открытый для посещения круглый год, а также близость горнолыжного курорта не превращали Нарканду в центр мирового туризма, но оставляли за собой некий колоритный интерес, на которой непременно клевали искушенные любители местной культуры. Мимо прошли два монаха, поприветствовав Рут, как раз наблюдающую за ними, традиционным приветствием Намасте, и она ответила им тем же, поднеся сложенные ладони к сердцу.

Отсюда, из Нарканды было отправлено письмо матери, но Татрис уже догадалась, что поле ее деятельности вряд ли находилось в пределах этого города. У нее было много времени, чтобы все обдумать, и ее размышления привели ее к тому, чтобы купить карту окрестных поселений и ориентироваться на единственную зацепку в письме. Мать писала, что в Циму есть только один врач, какой-то хирург, но его сил не хватает, чтобы справляться с обилием заболевших. Значит, из Нарканды ее путь должен был лежать именно в Циму.

На ближайшей почте девушка купила карту и, устроившись на лавочке неподалеку от местного торгового центра, принялась водить пальцем по карте, ищу наиболее короткий путь до места назначения. От Нарканды можно было пройти вдоль горной трассы до Джангал Кудлу, а там уже свернуть в холмы и подняться выше по тропе, но это бы заняло слишком много времени. Гораздо быстрее было срезать путь через деревеньки: сначала Каантру, затем Дхарори, и постоянно следить за тем, чтобы линия лесов оставалось по левую руку. Прикинув примерное время своей последней части путешествия, Рут сложила карту и убрала ее в боковой карман рюкзака, а затем поднялась с лавочки. Ее путь еще не окончен.

Рут Татрис

Циму, Химачал-Прадеш.

Тот путь, который по дороге занял бы у нее четыре часа, вдоль реки занял около двух, и впереди начали показываться бедные глиняные домики. Эта деревня ничем не отличалась от той, в которой выросла Рут — одна единственная улица и разбросанные хаотично приземистые здания, окна которых были завешаны плетеными циновками, чтобы полуденное солнце не попадало внутрь, нагревая и без того горячий воздух. Близость реки и тропического леса давали о себе знать запахами влаги, густой зелени и извечного гниения, присущего этим жарким районам.

И еще здесь пахло болезнью. Этот запах не убивал даже ветерок, гуляющий по

улице и, казалось бы, имеющий право свободно забираться в каждый дом. Тяжелый смрад болеющий плоти оседал на коже, вынуждая ее зудеть, словно под кожу набились плотоядные личинки мух. Бедность и запустение – вот что характеризовало все деревни, подобные этой. Как только цивилизация удалялась от городов на несколько миль, так жизнь застывала на первобытном уровне.

Первыми ее заметили местные детишки, играющие в тени одного из навесов. Загалдели, словно воронята, разинув рты и вытаращив глаза, побросав все свои самодельные и нехитрые игрушки, не стеснялись показывать пальцем и звать взрослых, чтобы те тоже полюбовались на Рут, словно на какое-то неизведанное чудище. Чужаки здесь появлялись редко.

- Намасте! – поприветствовала она ребятишек, и те с визгом шарахнулись в рассыпную, словно удивившись тому, что чудище умеет говорить человеческим языком. Татрис улыбнулась, не особенно надеясь на ответ.

Рут Татрис

Визги и вопли ребятишек все же привлекли внимание старших – на крыльцо одного из домов вышел уже немолодой худой мужчина болезненного вида. Смуглая кожа натянулась на выступающих ребрах, а лицо казалось обескровленным и сухим, отчего карие глаза стали большими и выпуклыми, похожими на глаза священной коровы.

- Намасте! – повторила Рут, приложив ладонь к ладони и коснувшись ими сердца. Она чувствовала на себе любопытные взгляды детей, выглядывающих из-за плетня у дома. – Мое имя Рут. Я ищу одного человека, женщину, ее зовут Ривка Татрис.

Мужчина молчал долго, внимательно изучая Рут большими глазами, в которых притаились боль и грусть. Он был болен, но старался этого не показывать, болезнь витала над ним, словно черное облако, и Рут даже не нужно было перестраиваться на иное зрение, зрение целителя, чтобы понять это. Это было видно невооруженным взглядом, особенно для нее, ведь она провела рядом с болезнями, бедностью и запустением все свое детство.

- Намасте, сестра Рут, - урду в устах этого человека звучит сочно и вкусно, хотя Рут ожидает услышать старческое дребезжание потухшего от болезни голоса. - Мое имя Абдул Рашид. Она в лазарете, дальше по деревне.

Мужчина указала рукой в сторону противоположного конца деревни, где высилось единственное крупное здание на всю деревню. Мать писала, что они устроили лазарет в одном из помещений школы. Это здание, обмазанное желтой глиной, выполняло здесь роль одновременно школы, лазарета и места для собраний. Рут не удивилась бы, узнав, что изначально это было домом старосты деревни. Она поблагодарила мужчину за помощь, слегка поклонившись и поправив закрытый в чехол лук за спиной, она направилась вверх по тропе к лазарету.

Рут Татрис

На подступах к зданию шибало с ног крепким запахом нечистот. Рут на мгновение показалось, что она вернулась обратно на десять лет назад, когда вспышка

брюшного тифа едва не убила ее саму и мать и все же погубила отца. Она малодушно постояла на крыльце, стараясь справиться неожиданно нахлынувшим волнением и утерла выступивший на лбу пот ладонью в лучной перчатке.

Это было похоже на встречу с прошлым. До сих пор оно поворачивалось только лишь приятными моментами, а теперь повернулось другой стороной медали, втаскивая из глубины памяти неприятные картины, которые предпочтительнее было бы забыть. Потные лица, искаженные масками боли, тяжелые рваные вдохи людей, проживающих свои последние дни, может быть даже уже минуты. И навязчивый запах страха, боли, грязи, болезни, нечистот и отчаяния, тяжелым смрадом витающие в воздухе.

Ровный ряд тел, завернутых в сероватую ткань, готовых к сожжению. Пылающие костры, уничтожающие плоть тех, кто был дорог. Отвратительный, тошнотворный запах горящей человеческой оболочки. И всепоглощающее чувство утраты. После этого их отношения с матерью, и так всегда прохладные, превратились в смиренное отчуждение. Каждая из них пыталась справиться со своим горем в одиночку. И, кажется, каждая так до сих пор и не оправилась.

Рут все же вола в здание, прикрывая дыхательные пути рукавом, чтобы привыкнуть к сбивающему с ног запаху. Мать она нашла во второй комнате, она возилась с умирающей женщиной. Рут встала на пороге и стояла там до тех пор, пока женщина не покинула этот мир.

- Аум намах Шивая, - негромко произнесла Рут мантру, провожающую душу Шиве.

Рут Татрис

Мать обернулась, услышав знакомый голос, и Рут заметила, что годы не прошли мимо, но сделали это как-то украдкой, воровато, коснувшись лишь только области глаз, разбегаясь лучиками морщинок, и неулыбчивого рта, пролегая жесткими носогубными складками. Но до сих пор эта когда-то великолепно красивая женщина оставалась в своей красоте, медленно увядающей и угасающей из-за возраста.

- Ты, - вместо приветствия сказала мать, и Рут буквально ощутила всю ее радость от встречи со своей дочерью. – Зачем ты пришла?

Прошло столько лет, а тень смерти отца, что могла бы сблизить их общим горем, все еще витала между ними, продолжая отталкивать на непреодолимое расстояние, пропасть, которую уже было практически невозможно перешагнуть. В их отношениях с матерью никогда не было той теплоты, которую ожидаешь получить, прибегая к родительнице с разбитой коленкой в надежде утешения.

- Ты сама позвала меня, - ответила Рут, от дверного порога проходя вглубь комнаты и останавливаясь возле циновки, на которое лежала умершая – с провалившимися в изнеможении глазами, проступающими ключицами и ребрами, с сероватой кожей, казавшейся восковой в скудном свете свечей, расставленных в комнатке. – Если бы ты не хотела меня видеть, то не написала бы, где ты. Циму, Химачал-Прадеш.

По лицу матери она поняла, что та недовольна ее ответом, в особенности тем, что

ее так легко вывели на чистую воду. Мать скучала. Но не смогла это показать.

- Я не могла не придти, - добавила она, опускаясь на колени напротив матери и ловя ее взгляд.

Рут Татрис

- Здесь слишком много боли и болезни, - не выдержав, Ривка Татрис первой отвела глаза, пуская их в обозрение небольшой комнаты, переполненной лежащими на циновках телами. И в эту самую минуту Рут поняла, почему мать все еще здесь. Вызов, брошенный самой себе. Она надеется отвоевать этих людей у смерти, далеко протянувшей свою костлявую руку. Она не смогла отнять у безносой своего мужа, но все еще хочет доказать ей, что смерти есть с кем считаться.

Рут посмотрела на тело перед собой. Мать проигрывала. Раз за разом, шаг за шагом, но упорно не сдавала свои позиции.

- Как это случилось? – спросила Рут. Она поднялась, нашла миску с водой и чистую тряпку, вернулась обратно, начала привычно, без брезгливости с бесстрастным выражением обтирать тело усопшей, готовя его к погребению. Сегодня опять будут пылать костры, уничтожающие мертвую плоть.

- Это всегда случается одинаково, - сухо ответила мать, разворачивая отрез сероватой ткани. Погребальный саван. – Плохая вода, грязь, недостаток лекарств, отсутствие врачей.

- А что с водой? Здесь рядом река, - Рут шла вдоль нее до самой деревни, лишь только в паре километров свернув в глубь леса, чтобы найти деревню. Но река поворачивала, делая крутую дугу, и должна была проходить неподалеку от поселения, иначе бы его никогда здесь не основали. Все эти деревни стоят по одному и тому же принципу – укрытие деревьев и наличие питьевой воды в доступной близости.

- Отравлена. С нее все и началось. Где грязь, там и болезнь. Животные болеют, люди болеют. Некогда выяснять, что случилось, мы пытаемся справиться с болезнью.

Рут Татрис

– Нужно искать причину, иначе болезнь отсюда так никогда и не уйдет, - возразила Рут, отставляя в сторону миску с водой и помогая матери обернуть тело тканью. Привычные действия, привычные чувства. Точнее практическое их отсутствие. В местах, подобных этому, быстро учишься отключать все свои эмоции.

- Кто искать будет? – с вызовом спросила мать. – Деревня умирает. Некому охотиться, некому возделывать землю, некому ухаживать за больными.

- А врач, о котором ты писала? Хирург?

- Андерс, - уточнила мать, качая головой. – Что может один человек. Если он не занят людьми, то пытается что-то сделать, но что может сделать один единственный человек?

Ты проигрываешь войну, пытаешься выиграть хоть одну битву, - подумала Рут, глядя на мать – жесткие сладки возле рта обозначились сильнее. Она тосковала. Она любила этих людей, а они умирали, один за одним покидая ее.

- Очень многое, - возразила Рут. Она выпрямилась. – Ты для этого позвала меня. Чтобы я сделала хоть что-то.

- Может быть, - на этот раз мать не стала отрицать очевидное, но Рут показалось, что на дне ее глаз затаилась та самая страшная болезнь, от которой все пытались убежать.

- Я хочу проверить реку, - сказала Рут. – Если ее что-то отравляет, нужно найти, что. Может быть, все еще можно спасти.

Она сняла лук и расчехлила его, проверила тетиву, поправила лучную перчатку и крагу, из небольшого рюкзака за спиной вынула кинжал в самодельных ножнах, пристроила на бедре, прицепила на пояс подсумок со всей необходимой ей мелочью. Мать наблюдала за этими приготовлениями равнодушно, смиренно. Она устала. Это было видно и по постановке головы и развороте плеч, поникшей спине. Когда она в последний раз спала?

- Я вернусь и заменю тебя, - сказала Рут, когда все приготовления были окончены. – Тебе нужно отдохнуть и нормально поесть.

Мать не спорила. Она и правда очень устала, поймала Рут себя на мысли, раз даже уже не спорит, как обычно. Или...постарела?

- Я скучала, - остановившись на мгновение в дверях, произнесла она, но, не дожидаясь ответа, выскользнула наружу. Но могла бы поклясться, что услышала тихое «Я тоже».
